

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	67
Глава 6	81
Глава 7	95
Глава 8	111
Глава 9	127
Глава 10	143
Глава 11	160
Глава 12	174
Глава 13	191
Глава 14	206
Глава 15	221
Глава 16	242
Глава 17	256
Глава 18	279
Глава 19	297
Глава 20	310
Глава 21	326
Эпилог	347

Глава 1

Разноцвет (июнь) 1382 года. Вициж, граница Брянского княжества

— Эге-ге-гей!!!

Князь Дмитрий Ольгердович недовольно посмотрел на Кречета — старшего дружинника и опытного ловчего, сопровождавшего господина во всех военных походах. Хоть на Куликовом поле, хоть под Булгаром — везде верный, храбрый Кречет был подле князя, защищая того своим мечом, щитом... А бывало, и собственным телом.

— Ну чего орешь-то? Вон птах небесных потревожил, зверье только пугаешь!

Кречет лишь белозубо улыбнулся:

— Княже! Так ведь родная земля — РОД-НАЯ!!! Я эти сосенки и дубы как облупленные знаю, сколько раз здесь охотились! А просторы... Какая же красота!

Дмитрий Ольгердович, младший брат Андрея Полоцкого и верный союзник великого князя Московского, невольно усмехнулся: это

да, красота... По левую руку полноводная Десна, весело несущая свои воды в Днепр, по правую, чуть в стороне, — набравшие сочной, роскошной малахитовой зелени леса, кишачие непуганой живностью. Обильна северская земля, обильна реками, лесами, плодородной землей, а еще храбрыми, стойкими в сече мужами и честными, красивыми девами...

И пусть третий сын Ольгерда от Марии Витебской здесь чужак, но за годы сидения на княжьем престоле в Брянске Северскую землю он полюбил как родную.

— Обожди, княже.

Невольно отвлекшийся на свои думы князь с удивлением посмотрел на Кречета — пугающе резко посерьезневшего, насторожившегося. Последний легким кивком указал вперед:

— Посмотри, Дмитрий Ольгердович, на птиц. Впереди кружат над лесом во множестве, не садятся. Потревожил их кто-то... И что-то больно много воронов.

Ворон — птица умная, птица-падальщик. Когда вороны видят скопление ратных мужей, чуют битву, а после нее и обильное пиршество...

Не на шутку встревожившийся Дмитрий Ольгердович резко, зычно приказал:

— Пересесть на боевых коней, в брони облачиться! Приготовить копыя, мечи!

С Дмитрием Ольгердовичем в Брянск возвращается сильная дружина — не менее полу-

тора тысяч справных бояр, считая уже исцелившихся от ран воев. Кто рискнет напасть на князя, возвращающегося в Брянск со всем своим войском?!

Словно услышав мысли господина, Кречет коротко предложил:

— Княже, дозвожь мне с малым отрядом разведать, что да как? Может, татары явились на нашу землю...

Дмитрий Ольгердович отрицательно мотнул головой:

— Не дозволяю. Увидит ворог малый отряд, налетит всей силой — пока на помощь придем, вои и погибнут...

— Так может, хорошо же, вытащим поганых на себя, а там уж ты ударишь всей силой?

Но князь вновь отрицательно мотнул головой:

— Ты не расслышал про «погибнут»? И нешто я на пороге своего княжества ворога убоюсь?! Али думаешь, не узнали о нашем приближении поганые? Так ежели и устроили засаду за поворотом реки, все одно дозоры татарские нас издали заприметили... Облачаемся в брони!

Изготовившись к сече, брянская дружина неспешным шагом проследовала за поворот реки. Пересевшие на боевых коней бояре и младшие дружинники с усмешкой поглядывают на лесную опушку, высматривая татей, крепко стиснув в руках копейные древки. Но когда враг

показался, сердца ратников невольно заохолодели от его многочисленности.

— Ляхи!!!

Дмитрий Ольгердович узнал стяги сандомирских панов — малопольские хоругви, некогда занявшие Волынь, явились теперь и на его землю. Однако среди польских орлов, львов и прочих зверей князь разглядел и отцовский герб со всадником, воздевшим меч, — «Погоню»!

— Корибут...

Брянский князь осознал, кто привел врага на его землю — младший сводный брат Корибут от Иулиании Тверской, сподвижник предателя Ягайло! В крещении тезка, Дмитрий... Но счастливая догадка сильно запоздала, осенив разум Дмитрия Ольгердовича в тот самый миг, когда взревел польский рог, призывая ляхов к атаке!

— Вперед, русичи, постоим за родную землю! Се-ве-е-е-ppp!!!

— СЕ-ВЕ-Е-Е-PPP!!!

— ВУС GORA!!!

В лоб на русичей полетели польские щитовики — шляхтичи победней, защищенные кольчугами да открытыми островерхими шлемами. Но каждый с крепким щитом и на ладном коне, а седло с высокими луками, специально изготовленное для таранного удара... Обе стороны успели взять разгон — и с грохотом сшиблись; хруст копейных древков и костей, крики увечных людей и животных слились в жуткую песню битвы.

Но у врага больше всадников — в два раза больше. Бросив на русичей рыцарей победнее, связав боем брянскую дружину, ляхи неспешно ввели в бой отборные хоругви панцирников! Хорошо защищенных бригантинами и шлемами-топфхельмами (или же новомодными хундсгугелями), отборных всадников на могучих дестриэ... И хоругви панцирников начали обтекать русичей с левого крыла, заходя в тыл дружине Дмитрия Ольгердовича.

— Княже, плохо дело! Окружают!!!

Оглушенный ударом булавы по шелому, брянский князь не сразу услышал Кречета. Третий сын Ольгерда — храбрый, умелый воин; одним из первых вступивший в сечу, он точным «рыцарским ударом» ссадил щитовика, угодив граненым острием в голову врага. Мертвый лях вылетел из седла, словно снаряд из требушета; сила удара оказалась такова, что древко пики сломалось у самого наконечника... Схватившись за шестопер, Дмитрий принялся раздавать ляхам щедрые тяжелые удары, но в хаосе ближнего боя пропустил встречный удар булавы. От второго, добивающего удара спас Кречет — точным уколом зауженного к острию меча ловчий сразил польского пана. И тотчас отчаянно закричал, пытаясь дозваться до Дмитрия Ольгердовича:

— Прорубаемся назад, княже! Пока не поздно!

Брянский князь осоловело огляделся по сторонам — и только теперь заметил стяги панцирных хоругвей в тылу полуокруженной дружины.

Проведя шершавым языком по мгновенно пересохшим губам, он хрипло повторил:

— Уходим...

После чего, возвысив голос, уже отчаянно закричал:

— Назад! Все назад!!! Отступаем!!!

Липень (июль) 1382 года от Рождества Христова. Сурожское (Азовское) море

— Пять... Шесть... Семь. Точно, семь кораблей.

У хорошего стрелка Алексея глаз острый, но и я уже различаю косые паруса галер у самого горизонта, практически на границе видимости. Значит, наши невысокие ушкуи и струги с заваленными по-боевому мачтами (их завалили еще перед выходом в море) с галер пока не видно.

Вот только галеры ли это? Или фусте?

— Идут не в Азак, иначе уже заворачивали бы на восход. Следовательно, эти суда направляются в Порто-Пизано, опережая нас... Кормчий, Степан Никитич! Нужно зайти с солнечной стороны, чтобы фрязи и подавно нас не увидели, будем держаться на хвосте до наступления сумерек, а уж там начнем сближаться.

— Слушаю, княже! Братцы, влево уходим, выруливай!

Наше судно идет в голове «флотской колонны» из двадцати ушкуев и десяти казачьих

стругов — не особо и велика судовая рать, но число моих «служивых» повольников заметно поредело после сечи под Ельцом и боя у Казани. Кто-то пал, кто-то был ранен, а кроме того, тяжелое поражение вятским ушкуйникам нанес Тохтамыш, поймав их в засаду у Керменчука... Атаман Федор Косой и несколько его воев чудом спаслись в устроенной татарами резне! Так что не все уцелевшие ветераны Булгарского похода князя Дмитрия Иоанновича вернулись со мной под Елец с дальней целью пощипать фрязей в Сурожском море. Кому-то хватило захваченных в Булгаре трофеев, кто-то вернулся на Вятку вместе с Федором, твердо решившим вырвать власть из рук излишне лихих, но не шибко умных атаманов вроде Буслая. И, по дошедшим до нас слухам, в настоящий момент Косой собирает силы для рейда по волжским татарским городам... Плюс я не мог оставить Елец и семью совсем уж без прикрытия опытной речной стражи! Так что взял с собой всего шесть сотен ротников, да по пути к нам присоединилось три сотни справных казаков, вдохновленных победой русичей над Тохтамышем...

И, безусловно, впечатленных нашей прошлой добычей, захваченной в генуэзской Тане. Хорошо бы и теперь ударить именно по Азаку, памятуя слова Дмитрия Иоанновича о центрах татарского производства! Но в казачьих поселениях на Нижнем Дону нам сообщили, что в Тане сейчас встало довольно много кораблей,

а обе итальянских фактории заметно увеличили гарнизоны на случай повторных набегов. Так что удар по Азаку ныне обойдется большой кровью — и еще неизвестно, увенчается ли победой. Девять сотен ратников? В прошлый набег у меня воев было побольше...

Но этих сил должно хватить, чтобы внезапным ночным наскоком захватить Порто-Пизано, небольшую генуэзскую факторию на месте будущего Таганрога. Правда, насколько она небольшая, тут еще можно поспорить — все же Тана была огромным татарским рынком с небольшим перевалочным речным портом. В то время как Порто-Пизано стала уже полноценным морским портом, откуда выкупленных у татар рабов, а также местную муку и рыбу доставляют в Геную... И если от Таны в Порто-Пизано чаще всего курсируют именно фусте с их малой осадкой и водоизмещением, свободно курсирующие по рекам и мелководному Азовскому... то есть Сурожскому морю, то от Порто-Пизано до Генуи и прочих портов фряжской республики курсируют более крупные торговые и военные галеры.

Причем я не особо великий специалист, но, как кажется, сейчас и нет какой-то особой корабельной специализации между торговыми и боевыми галерами. Разве что на последней побольше арбалетчиков и морпехов, да и пушечное вооружение посильнее... Так вот, если моя догадка насчет маршрута замеченных нами судов верна, и эти самые корабли, чьи косые па-

руса сейчас едва виднеются на горизонте, идут в Порто-Пизано, то это именно галеры. Что для нас определенно лучше...

— Что думаешь, княже, много воинов у фрязей?

Миша говорит не очень громко, но, как всегда, внушительно, весомо.

— Если это галеры, а не фусте, то на каждом судне примерно по сорок арбалетчиков и примерно столько же воинов-пешцев. Причем состоят они в основном именно в гребном экипаже... Прочие же гребцы — это рабы на веслах.

Михаил согласно кивнул, поняв ход моих мыслей. Фусте — корабли речные и азовские, команды на них небольшие, но все гребцы также являются и морпехами. Сказывается опасность нападений черкесов-зихов, да и турецких пиратов на Черном (Русском!) и Азовском морях. Так что шестьдесят-восемьдесят воинов плюс два-три десятка арбалетчиков — экипаж в ближнем бою более сильный, чем на галерах. Последние потому и идут караваном, потому как вместе больше шансов отбиться...

Небольшая волна, гонимая ветром, ударила о борт, окатив меня прохладными солеными брызгами. Эх, как же хорошо-то! Я на мгновение зажмурился, подставив лицо легкому морскому бризу, и остро пожалел, что вместо обязательного набега не смогу вернуться сюда с женой и сыном Георгием. Просто причалить к симпатичному песчаному пляжику, провести на берегу хоть